

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ф.И. Раззаков

**ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ВРЕМЕН:
ШЕСТИДЕСЯТЫЕ**

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2017

Ф.И. Раззаков

1960

Том I

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2017

СОДЕРЖАНИЕ

«Это было недавно — это было давно». Шестидесятые — переломная эпоха в истории СССР и мира (вместо предисловия). <i>А.И. Фурсов</i>	6
От автора	54
Январь	55
Февраль	207
Март	301
Апрель	390
Май	466
Июнь	585

Шестидесятые — переломная эпоха в истории СССР и мира (вместо предисловия)

1

Четверть века назад, в 1991 г., прекратил своё существование Союз Советских Социалистических Республик. Во властном плане это произошло фактически в три августовских дня — так же, как когда-то с самодержавием, по поводу чего Василий Розанов написал, что Россия (самодержавная) слиняла в два дня, самое большее — в три. СССР как властная конструкция умер быстро — по крайней мере, внешне. По сути же «финал убийства» продолжался два — два с половиной года, откровенно начавшись принятием закона о госпредприятии (для всех предприятий вступил в силу с 1 января 1989 г.) и сдачей Горбачёвым соцлагеря в три дня: 1 декабря 1989 г. в Ватикане и 2–3 декабря 1989 г. на Мальте. А вот с СССР как с цивилизацией (в широком, нестрогом смысле этого термина) или, скажем скромнее, как с культурно-историческим типом всё оказалось сложнее — этот тип до сих пор не умер и, хотя ослаблен, умирать не желает, активно сопротивляется. И по мере нарастания кризиса постсоветской России советское парадоксальным образом всё чаще и активнее являет себя — и власти вынуждены считаться с этим.

В повседневной культуре советское по сути никуда и не уходило. Советские фильмы, советские песни постоянно присутствуют на телевидении. Каждый год 31 декабря и 1–2 января по ТВ идут главным образом одни и те же советские фильмы, практически то же — в майские дни перед 9-м. Показательно и то, что даже во флэшмобах, прошедших в городах Украины, молодёжь поёт советские песни. Советскость оказалась чем-то очень похожим на постоянно возрождающуюся из пепла птицу Феникс. И чем-то очень важным, существенным по сравнению с выморочной бледно-спирохетозной постсоветскостью. «Старые песни о главном» — так назывался цикл музыкальных программ, в которых нынешние певцы пытались изображать советские песни. И дело не в том, что у большинства нынешних, с позволения сказать, исполнителей силёнок не хватило — ни голосовых, ни эмоциональных, ни общекультурных, а в том, что в старых песнях, в отличие от новых, было содержание, в них пелось о главном, причём искренне. Достаточно сравнить искренность «голубых огоньков» 1960–1970-х годов (когда слово «голубой» не ассоциировалось с сексуальным отклонением) с нынешними безвкусными, натужными, бессмысленными, а то и просто похабными.

Более того, полагаю, что постсоветская РФ не только существует на советском фундаменте и благодаря ему, но вообще существует во многом потому, что до сих пор живы и работают советские (по воспитанию, социализации и полученному профессиональному опыту) люди, родившиеся в конце 1940-х — 1970-е годы. Затрудняюсь сказать, что будет, когда эти атланты, которые держат трескающийся и проседающий постсоветский «свод», уйдут. Едва ли «эффективные менеджеры» — от офисного планктона до администраций более высокого уровня — справятся с задачей. Не получилось бы как у Пушкина:

*Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Попатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул.*

Мощь советских поколений питалась, конечно же, успехами индустриализации, победой в Великой Отечественной войне, послевоенным советским экономическим чудом, полётами в Космос (прежде всего «Спутник» и Гагарин), военной мощью, которой СССР был способен защитить не только себя, но и слабых мира сего от империалистических хищников, и эту способность чувствовал весь мир и относился соответственно к СССР и к советским людям. В «Дневнике» Ю.М. Нагибина есть показательное уточнение. Писатель в конце 1972 г. ездил в Норвегию, где его очень хорошо принимали. *«Конечно, — пишет Нагибин, — тут было личное отношение, я им пришёлся по душе, ... но моё обаяние хорошо подкреплялось бесстрашной пехотой, мощной артиллерией, танками, авиацией, очень окрепшим флотом и всей термоядерной мощью самого вооружённого в мире государства».*

Однако не только гигантское и грандиозное питало советскую мощь, не менее важным был советский культурно-исторический комплекс, если угодно — советская цивилизация, советская культура, советские структуры повседневности. Речь идёт о едином комплексе материальной и духовной культуры, куда входят структуры повседневности (быт), характерные формы организации досуга, музыка, кино, спорт и многое другое, тесно переплетающееся друг с другом в единое целое под названием «советская жизнь». Мы знаем, что большую часть всей своей истории, за исключением отдельных «хронокусочков» в 1960–1970-е годы, наша страна жила под сильным внутренним и внешним напряжением — великие стройки, великая война, великое восстановление. Однако это не отменяло повседневную жизнь с её радостями и горестями.

Сколь бы масштабные и грозные политические события ни происходили, люди продолжают жить тем, что Лев Толстой называл «настоящей жизнью». Описывая в «Войне и мире» реалии, которые в 1808–1809 гг. сотрясали Европу и Россию — новая война Наполеона с Австрией, эрфуртская встреча Александра и Наполеона, тревожащие планы корсиканца, — Толстой заметил: *«Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, нена-*

висти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте и вне всех возможных преобразований».

Перефразируя Толстого, можно сказать, что настоящая жизнь в послевоенном СССР шла независимо или почти независимо от съездов КПСС, международных кризисов, обострения или смягчения советско-американских или, тем более, советско-китайских отношений. По мере развития Большой системы «СССР», по крайней мере вплоть до конца 1970-х годов, повседневная жизнь всё больше и больше наполнялась советским содержанием, становилась всё более разнообразной, многоцветной, богатой.

В середине 1970-х гг. бытовые различия между жизнью среднего советского и среднего североамериканского и западноевропейского человека были вовсе не так велики, как это нам уже почти тридцать лет пытаются внушить. Исследование, проведённое израильской разведкой в середине 1970-х гг., показало: реальный уровень жизни в СССР, особенно с учётом обеспечиваемых государством платных и бесплатных благ, а также так называемых неочениваемых факторов (уровень социальной защищённости граждан, уровень преступности и т.п.) составлял 70–75% от уровня жизни США и имел тенденцию к сближению с ним.

Просмотр западноевропейских (Великобритания, Франция, Италия) фильмов 1960–1970-х гг. из жизни среднего слоя, не говоря уже о работягах — о тех, кого Дж. Оруэлл назвал «пролами», нередко позволяет провести сравнение в пользу советской повседневности. Однако почему-то многие предпочитали и предпочитают судить о жизни на Западе по фильмам, герои которых — крупные буржуа и аристократы; в этом плане западная антисоветская пропаганда, более или менее завуалированная, оказалась успешной; в результате советские граждане в начале 1990-х гг. оказались в положении короля Лира, который слишком поздно понял всю важность соли. Место «соли» на наших «весах» занимали десяток сортов колбасы и сыра — совсем неплохих, а также социальная защищённость и масса бесплатных по сути услуг и гарантий со стороны государства; на чужих «весах» — сотни сортов колбасы и сыра, но в нагрузку — рынок с его принципами «выживает сильнейший», «ничего личного — только бизнес», «это ваши проблемы» и т.п. И что, сыры и колбасы — это мерило достатка и прогресса? А вот сравнение, например, образования, возможностей и организации детского и юношеского досуга и многих других привычных, а потому почти незаметных и нередко неценимых благ — это реальный показатель уровня жизни и мера прогресса. В 1990-е гг. к нам пришла «колбасная цивилизация» — вместе с нищетой, ежегодной убылью населения, безнадёгой. Ну и как размен? Change?

Советская массовая школа всего послевоенного (то есть до конца 1980-х гг.) периода была сильнее массовой западной по уровню и учителей, и учеников, и учебников; неудивительно, что недавно возникла инициатива переиздания советских учебников 1950–1960-х гг., а одна заслуженная учительница призвала родителей, пока ещё есть такая возможность, доставать советские учебники и пользоваться ими для нейтрализации новодела девяностых и нулевых. Уровень советского образования виден и по тем местам, которые занимали советские школьники на различных олимпиадах, и по количеству спортивных и шахматных школ и секций, и по такому явлению как Дворцы и Дома пионеров с их многочисленными кружка-